

пасть в Театр? Стало быть, не в тот, в котором и так все 70 в штате? Не обмолвился ли Немемирович? Или, может быть, обещающе проговорился? Когда-то он так обещающе проговаривался в Филармоническом училище, давал понять: скоро начнется новое художественное дело.

Обмолвка не имела последствий. Все 70 оставался в штате. Молодые в 1943 году, никуда не девшиеся из театра, где с выслугой лет непременно давали за званием звание и в юбилей награждали орденами, они к 1970 году были в большинстве живы. Приняты при Стайславском, приняты при Немемировиче-Джанченко, работали при Кедрове, как увольнять. И на пенсию рано.

Олег Ефремов перед приходом в МХАТ беседовал со своими сверстниками — с теми, кто играл тут с 1947, 1948, 1949 года. Он помнил их одаренными, обещающими. Но, видимо, для талантов именно этой школы, мхатовской, решающе важно, с чего начнешь: с "Чайки" и всего чеховского цикла поэзии-правды, как первые "старички", с "Дней Турбиных", "Горячего сердца", "Женитьбы Фигаро", как вторые, или с участия в "Зеленой улице", "Заговоре обреченных", "Чужой тени", "Залпе Авроры", спектаклях не просто Лавченко, но и кровожадных.

Ефремов, думая о переформировании труппы, собирался использовать свои современниковские "наработки", например, утверждение актеров основного состава тайным голосованием. Впрочем, он остерегся втягивать в голосование все творческие цеха: по проекту 1970 года голосовать должны были 20 членов Совета старейшин. Предполагалось также утверждение переменного состава, в котором предусматривалась молодежно-студийная группа, с правами экспериментальных работ (относительно переменного состава свои рекомендации Совету старейшин должен был давать Художественный совет); вводились испытания для вспомогательного состава. Проект был принят, но к концу второго "ефремовского" сезона реорганизация труппы была надежно завалена.

Способностью принимать такое и действовать по-своему в неподвластной ему общей ситуации Олег Ефремов награжден от природы. В его стойкости можно слышать отзвук чеховского — "надо жить, сестры" — но и отзвук последней фразы из классической советской книги "Разгром": "Надо было жить и исполнять свои обязанности".

Местком театра настоял на своем, главный режиссер не хлопнул дверью. Его стратегией стало постепенное объединение внутри Театра полноценной, хорошей другой труппы. Актеров из состава МХАТ он вбирал в нее так же убежденно и точно, как вбирал актеров из "Современника". Чем дальше, тем уверенней он шел на союз с мастерами, сложившимися за пределами ближнего круга, но "своими" по существу, по жизненности. Так в 1974 году пришел Андрей Алексеевич Попов, которому было уже 56 лет. Мастер истощающего сценического штриха, на редкость точный в психологических догадках, пленяюще несомненный в каждую свою секунду на сцене, он был к тому же честен и добр, совестлив, деликатен. В 1976-м пришел Иннокентий Михайлович Смоктуновский (ему было за 50). Портретируя его, критик вспоминал Михаила Чехова и размышлял о сходстве типа актерской личности: "Та же тяга к героям с трагической судьбой и без трагического характера, то же обдуманное вдохновение, гипнотическая власть над зрительным залом, та же тяга к безудержному лицедейству и осязательная достоверность воплощения жизни человеческой души". Олег Ефремов собирал свою труппу, не справляясь с дилеммами и послужным спи-

ском, безошибочно чувствуя в актерах "со стороны" то, что он сам называл генетической близостью к мхатовской школе. Когда был сыгран в 1976 году его "Иванов", тем более после "Чайки" 1980 года можно было сказать, что труппа собрана. Смоктуновский — Иванов и доктор Дорн, Попов — Лебедев и Сорин, Екатерина Васильева — Сарра и Маши, Вячеслав Невинный — Боркин и Шамраев, Анастасия Вертинская — Нина Заречная, Татьяна Лаврова — Аркадина, Андрей Мягков — Треплев, Александр Калягин — Тригорин, Ия Саввина — Полина Андреевна, Евгений Киндинов — Медведев, Ангелина Степанова — Авдотья Назаровна, Марк Прудкин — Шабельский.

Годы "в труппе Ефремова" стали, к слову, лучшими годами Марка Прудкина: старость освобождала от суетности, подарила умную, горькую человечность, сострадательное понимание, которое он умел вложить в тонкий и жесткий рисунок; так он и играл Шабельского.

Разумеется, в составе "другой труппы" внутри МХАТ" большинство из Школы-студии (не перечисляем ни тех, кто — как Владимир Кашпур — задолго до 1970-го играл в Художественном, ни тех, кто — как Евгений Евстигнеев — пришел из "Современника", ни тех, кто — как Александр Феклистов — привалялся к позднейшим выпускам). Со стороны, из ВГИКа — Екатерина Васильева, актриса мощного драматического темперамента, саркастичная и внезапная. Со стороны, из университетов — умница, от корней чувствующая "простую жизнь" Ия Саввина. Из училища имени Щукина — неутомимый, чуткий, на лету ловящий задачу Калягин, восхитивший диапазоном своих ролей и необыкновенно яркой естественностью. Оттуда же был Юрий Богатырев (он пришел из "Современника" в 1977-м), его происхождение выдавала ирония психологического рисунка, тонкое чувство игрового начала. Оттуда же была Вертинская (Чайка, Эльмира в "Тартюфе", Лиза в "Живом труп", Елена Андреевна в "Дяде Ване"). В этой ученице "Щуки" остро и заманчиво проступало неожиданное сходство с ученицами первых наборов школы МХТ: декадентская баснословная красота, резкость внезапных поворотов жизни, артистизм, неотделимый от авантюристы.

Ефремов не боялся в своей труппе людей странных, возникающих внезапно и ненадолго. Кажется, так же воспринимал их обостряющее, электризирующее короткое присутствие, как умели воспринимать чужое электричество в первые годы МХТ. В его труппе могли и должны были пройти Георгий Бурков или Алексей Петренко. Бурков работал в труппе Ефремова с 1980 по 1984-й, сыграл не так уж много. Актер жестокой самоотдачи, близкий по типу и по устремлениям таким своим сверстникам, как Василий Шукшин, наделенный "шукшинским" цепким и мрачноноватым юмором, Бурков брал на сцене народный характер в его крайностях, раскрывал в своих героях их силу и уязвимость, особую нервно-натур природно-простых, озлобленность мягкой души. Он нес в себе чувство беды, был оглушен — если воспользоваться словом Пушкина — "шумом внутренней тревоги". Тем и был нужен. Как был нужен и Петренко, приглашенный в МХАТ в 1978-м и проживавший тут до 1983-го. Его Официант в "Утиной охоте" Вампилова (1979), Джако в "Обвале" (1982) потрясали полным отсутствием нравственных преград. Актер открывал не зияя в человеке, но всекую породу существ вполне живых и вполне вневременных (именно вневременных, а не злых: Джако насиловал книжницу Хейс-тави так, как режут овцу). Трудно представить себе, чтобы Петренко мог врать в труппу Ефремова, но обновляющий импульс мощного и неблизкого дарования был необходим.

Ефремов точно так же не боялся контактов своей труппы с режиссерами "со стороны". За шесть лет — с 1981 по 1986 — два спектакля осуществляет с нею Анатолий Эфрос, два спектакля Кама Гинкас, два — Роман Виктюк, два — Марк Розовский, два — Лев Додин, один — Темур Чхеидзе, один — вышедший из числа мхатовских режиссеров-стажеров Анатолий Васильев (труд над второй постановкой, которой должен был стать "Король Лир" с Андреем Поповым в заглавной роли, был оборван смертью актера. А на карте нам следует на той же улице, где отмечена Студия на Поварской, отметить еще один родственный дом: Школа драматического искусства Анатолия Васильева).

● Олег Ефремов

● Как было — и есть

● И.Смоктуновский, А.Попов

в "Иванове"

● Олег Николаевич Ефремов

